

Елена Цыбенко

Болеслав Прус

(1847-1912)

Книга: Б.Прус. Сочинения в семи томах. Том 1

Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1961

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 5 октября 2002 года

Александр Гловацкий, получивший известность под литературным именем Болеслав Прус, был выдающимся мастером польской реалистической прозы. Если предшествующая времени Пруса эпоха, первая половина XIX столетия, доставила мировую славу польской романтической поэзии, представленной прежде всего такими великими художниками, как Мицкевич и Словацкий, то последние десятилетия века ознаменовались в польской литературе расцветом прозаических жанров - романа, повести, рассказа. Прус был писателем, определившим, наряду с такими мастерами, как Генрик Сенкевич и Элиза Ожешко, облик классического польского реализма XIX века. Художник, прекрасно знавший жизнь, умевший наблюдать, осмыслять и ярко изображать увиденное, "реалист чистейшей воды", как сказал о нем Сенкевич, и демократ по своим симпатиям и убеждениям, он сумел так много сказать о своем времени, о его глубоких внутренних противоречиях и внешних приметах, о быте и нравах, об интересах, стремлениях, привычках своих современников, что все написанное Прусом составляет неотъемлемую часть нашего представления об эпохе писателя. Известный публицист, один из первых пропагандистов социализма в Польше, Людвик Кшивицкий имел все основания сказать о Прусе: "Когда-нибудь... как Диккенс в Англии, Бальзак во Франции, так и Прус у нас станет свидетелем, который расскажет далеким поколениям о том, какова была повседневная жизнь людей в Польше второй половины XIX века".

Александр Гловацкий родился 20 августа 1847 года (по другим источникам - в 1845 году*) в Грубешове под Люблином. Семья его принадлежала к разорившейся шляхте. Рано лишившись родителей, он воспитывался у тетки, потом у брата Леона, активно участвовавшего в национально-освободительном движении.

* Вокруг даты и места рождения Б.Пруса в польском литературоведении до сих пор идут споры.

Учеником пятого класса гимназии будущий писатель принял участие в польском восстании 1863-1864 годов. Восстание это, уроки которого оказали огромное влияние на целое поколение поляков, в том числе и на Болеслава Пруса, было последним звеном в цепи польских национальных восстаний конца XVIII-XIX веков. Потопленное в крови царскими войсками, оно потеряло

неудачу по многим причинам. Среди них были и явное неравенство сил, и неблагоприятная международная обстановка, и - самое главное - предательская позиция господствующего класса и его представителей в повстанческих кругах (партия "белых"), помещиков, ставивших классовые интересы выше интересов национальной революции, а также относительная слабость революционной демократии (левое крыло партии "красных"), которой не удалось взять в свои руки руководство восстанием, реализовать программу социальных преобразований в пользу крестьян, добиться их повсеместного участия в борьбе и превратить таким образом восстание в победоносную демократическую революцию. Но даже потерпев поражение, восстание в огромной степени содействовало прогрессивному ходу развития. Деятельность лучших его представителей составила живую национальную традицию, которая была подхвачена последующими поколениями. Смелая борьба повстанческих отрядов, в течение длительного времени упорно сопротивлявшихся превосходящим силам противника, дала много примеров патриотического героизма. Бойцом одного из таких отрядов был и юный Александр Гловацкий. В одном из боев между Седльцами и Люблином он был ранен и пробыл затем некоторое время в госпитале, а после разгрома восстания несколько месяцев содержался царскими властями под арестом в Люблине.

Окончив гимназию в 1866 году, Александр Гловацкий поступает на физико-математический факультет Главной школы в Варшаве. Главная школа была в те годы центром, где зарождались новые течения польской общественной мысли. Многим из обучавшихся в ней молодых людей суждено было впоследствии стать властителями дум целой эпохи. Там учились в эти годы будущие писатели Сенкевич, Дыгасинский, Свентоховский, критик и историк литературы Хмелевский и другие. Студенческие годы будущего автора "Куклы" полны труда и лишений. По не выясненным до конца причинам, скорее всего из-за тяжелых материальных условий, Прус уходит в 1868 году из Главной школы. В поисках заработка ему приходилось браться за самую различную работу. Он давал частные уроки, был рабочим на варшавском заводе "Лильпоп и Рау", служил в статистической конторе.

С 1872 года Прус целиком посвящает себя литературно-публицистической деятельности. В юмористических журналах "Муха" и "Кольце" ("Колючки") он помещает множество юморесок, рассказов и сенок. Одновременно Прус выступает с публицистическими статьями в журналах "Опекун домовы" ("Домашний опекун") и "Нива". В 1875 году Пруса пригласили работать в газету "Курьер варшавски", где в течение двенадцати лет появляются его фельетоны ("Еженедельные хроники"). В 1887 году Прус переходит в газету "Курьер цодзенны" ("Ежедневный курьер"), где печатает фельетоны до 1901 года, а в 1905 - 1912 годах регулярно сотрудничает в журнале "Тыгодник иллюстрованы" ("Иллюстрированный еженедельник").

Статьи и фельетоны Пруса, написанные живо и остроумно, затрагивавшие насущные вопросы своего времени, были необычайно популярны в Варшаве, читались в самых различных кругах. "Вы все его знаете, - обращался к варшавянам писатель Мариан Гавалевич, - от салона до кухни, от письменного стола до верстака, от чердака до подвала... Были времена, когда трудно было представить себе Варшаву без "Курьера", а "Курьера" без Пруса".

Работа в газетах, как и предшествовавшая ей суровая жизненная школа, дала Прусу большой запас наблюдений, столкнула с жизнью самых различных общественных слоев, включая социальные "низы", сделала его непревзойденным знатоком Варшавы, а в некоторых отношениях явилась и школой литературного мастерства.

Внешне биография Пруса не богата событиями. В 1875 году он женился на

Октавии Трёмбинской и все время жил в Варшаве, лишь два раза выезжая в Галицию, а в 1895 году - на несколько месяцев в заграничное путешествие (Германия, Швейцария, Франция). Писатель был человеком замкнутым, скромным и застенчивым, не любил рассказывать о своем творчестве, очень скупо сообщал о себе в письмах, чем отчасти объясняется тот факт, что о жизни его нам известно сравнительно немного.

Мировоззрение Пруса формировалось в условиях быстрого развития капитализма на польских землях. Восстание 1863-1864 годов стало в истории Польши тем рубежом, который отделил феодальную эпоху от эпохи капиталистической. Особенно интенсивно шло капиталистическое развитие на землях, входивших в состав Российской империи.

В 1864 году, еще во время восстания, царское правительство, стремясь предотвратить нарастание революционных настроений среди крестьянства, провело в Королевстве Польском аграрную реформу. К этому вынуждал не только страх перед новым революционным взрывом: так же, как реформа 1861 года в России, польская аграрная реформа была обусловлена исторической необходимостью - кризисом феодального способа производства.

Прус был свидетелем того, как торжествующий капитализм бурными темпами изменял облик его страны. Рушился старый социальный уклад, ломались давние сословные нормы, обычаи и нравы, обновлялись общественные идеалы, уступали место другим или изменялись прежние социальные конфликты. Место патриархального шляхтича былых времен занимал помещик, которому приходилось либо вести хозяйство по-новому, по-буржуазному, либо разоряться, проесть последние остатки состояния, становиться наемным служащим, в корне менять образ жизни. Крестьянство выделяло из своей среды состоятельного мужика, применявшего на своем поле наемный труд, и многотысячную армию безземельных, разоренных, батрачивших в деревне и массами отправлявшихся в город. Город переживал эпоху промышленного переворота: машинная индустрия заменила ручной труд, появлялись новые фабрики и заводы. Фабричным городом стала Варшава, а совсем недалеко от нее выросла в типичный город новой эпохи промышленная Лодзь. Выросли и столкнулись друг с другом в непримиримой классовой борьбе буржуазия и пролетариат, с 1870 по 1895 год увеличившийся численно почти вчетверо. Как ни сильны были позиции старого, прежде всего позиции польской аристократии, сохранявшей обширные земельные владения и остававшейся серьезной социальной силой, "героем нового времени", "хозяином жизни" все в большей степени становился предприниматель, банкир, промышленник, "рыцарь наживы". Рабочий класс, оплачивавший невероятными лишениями, бесправной и полуголодной жизнью успехи капиталистического прогресса, постепенно начал осознавать свои интересы, втягиваться в борьбу, усваивать идеи социалистической пропаганды и превращаться в решающую силу освободительного движения. Уже в 80-е годы выступила рабочая партия "Пролетариат" и прозвучали первые революционные рабочие песни, в том числе прославленные "Варшавянка" и "Красное знамя". Черты новой эпохи Болеслав Прус далеко не сразу и далеко не всегда правильно и в полной мере мог осмыслить и объяснить. Но они не могли не отразиться в его творчестве и мировоззрении.

Прус начал свою деятельность в период, когда польские господствующие классы перед лицом коренных социальных перемен столкнулись с необходимостью выработать новую идеологическую программу. Крепнущая экономически польская буржуазия (которая в прошлом не имела традиций революционной борьбы во главе масс), испытывая страх перед растущим рабочим движением, в политическом

отношении была чрезвычайно консервативной. Она легко шла на компромиссы со шляхтой и даже искала поддержки со стороны царского самодержавия (тем более что зависела от обширного русского рынка). Польская шляхта после поражения восстания 1863-1864 годов, окончательно исчерпавшего традиции и возможности шляхетской революционности, открыто перешла на реакционные позиции.

Все это отразилось на развитии польской общественной мысли. Буржуазные и буржуазно-демократические идеологи, опираясь на философию западноевропейских позитивистов (Конта, Милля, Спенсера, Бокля и других), выдвигают в 60-е годы программу так называемого "польского позитивизма". Главное в польском позитивизме (в отличие от западного образца) - это не философские и социологические проблемы, а практические задачи и лозунги социального и политического порядка. Позитивисты выступили как глашатаи буржуазного прогресса, причем в мирной, эволюционной его форме. Они призывали современников трудиться, содействуя экономическому благосостоянию страны, выступали за самоуправление для широких слоев населения, равноправие женщин, ратовали за развитие и пропаганду естественных и технических наук, порицали крепостнические порядки, шляхетское чванство и паразитизм, обскурантизм клерикалов и крайние формы шовинизма. Нетрудно заметить, что в определенной, весьма, правда, ограниченной степени либерально-буржуазная позитивистская программа по сравнению со старым шляхетским консерватизмом имела положительное значение, поскольку она выдвигала ряд важных общественных задач, поскольку борьба с наследием феодальной эпохи, с крепостничеством и его пережитками оставалась в Польше актуальной. Этим и объясняется тот факт, что на первых порах позитивизм оказал влияние на некоторых публицистов и писателей, желавших, чтобы в ходе буржуазного прогресса улучшилось положение широких масс, надеявшихся, что народ выгадает от распространения знаний, от "работы у основ", которую поведет обратившаяся к народу интеллигенция. Благодаря этому позитивизм наложил свой отпечаток на ряд произведений художественной литературы своего времени, в том числе на некоторые произведения таких мастеров, как Элиза Ожешко, Прус, молодой Сенкевич. Сыграли свою роль и настроения подавленности, усталости, разочарования, распространившиеся в обескровленном Королевстве Польском непосредственно после разгрома восстания, когда часть демократической общественности решила путем каждодневной незаметной работы добиваться, хотя бы в урезанном виде, осуществления некоторых из прежних народолюбивых идеалов. Но, трактуя идею национальной революции как безнадежно устаревшую "шляхетскую романтику", позитивизм выбросил за борт то демократическое содержание, которое было в программе "красных" 1863 года. Демократически настроенной интеллигенции с течением времени довелось разочароваться по крайней мере в ряде пунктов позитивистской программы, убедиться, что она не лечит социальных язв, пришлось - писателям в художественном творчестве - зачастую опровергать эту программу. В работах же наиболее последовательных своих глашатаев позитивизм очень скоро выступил как антинародное, открыто реакционное, эгоистически-классовое буржуазное мировоззрение. Лозунги "органического труда", "работы у основ" выродились в неприкрытое восхваление буржуазного предпринимательства и наживы, презрительное игнорирование интересов крестьянства и рабочего класса, в проповедь классового мира, "гармонии" между грабителем и ограбленным. Позитивистская публицистика начала выступать за союз шляхты с буржуазией, делать реверансы в сторону земельной аристократии и клерикалов. Призывы позитивистов к культурнической и филантропической деятельности в деревне и городе, своеобразная теория "малых дел", свелись к отвлечению крестьян, рабочих, интеллигенции от

революционной борьбы.

Публицистические статьи Пруса, написанные в период, когда борьба с пережитками крепостничества оставалась для Польши первостепенной задачей, являются свидетельством увлечения писателя позитивистскими идеями и попыткой - обреченной в конечном счете на неудачу - развить некоторые из положений позитивизма не в буржуазном, а в демократическом направлении.

В публицистике 70-х годов Прус призывает польское общество без различия сословий и классов дружно трудиться "на общую пользу". "Покорившись необходимости, - пишет он в статье "Наши грехи" (1872), - займемся уплатой общественных долгов, урезыванием наших потребностей, поднятием сельского хозяйства и промышленности, укреплением родственных и общественных уз, увеличением количества браков, уменьшением детской смертности, помощью обездоленным, распространением здоровых начал просвещения и нравственности. При этом не одно крупное поместье придется разделить на мелкие, не один фрак сменить на рабочую блузу, герб - на вывеску, перо - на молоток и аршин, придется во многом себе отказать, о многом позабыть, а главное учиться и учиться".

При всей фантастичности упований на добровольный отказ имущих слоев от своих привилегий, при очевидной ориентации Пруса на мирный буржуазный прогресс точка зрения писателя не была, однако, сознательной защитой интересов господствующих классов. Как ни сильна бывала над Прусом власть позитивистских предрассудков и в 70-е годы и позднее, как ни наивны бывали высказываемые им взгляды - мы нигде не найдем у него софизмов в защиту "права" буржуазии на эксплуатацию рабочих, преднамеренной апологетики капитализма.

Буржуазные литературоведы, видя в Прусе одного из столпов позитивизма, считали благотворным и определяющим влияние позитивизма на его творчество. В действительности дело обстояло по-другому и гораздо сложнее. Позитивистские взгляды сплошь и рядом вступали в противоречие с главным направлением литературного труда писателя, мешали ему делать четкие выводы из тех жизненных наблюдений, которые могли подсказать честному, пронизательному, сочувствующему труженикам художнику-реалисту мысль о необходимости разрушить основы буржуазного строя. Творчество Пруса развивалось во внутренней борьбе с позитивизмом.

Позитивизм стремился сгладить острые классовые противоречия капиталистического общества - а Прус в целом ряде новелл, повестей, в романе "Кукла" показал, что они составляют основное содержание общественной жизни. Позитивисты пропагандировали гармонию интересов рабочих и предпринимателей - а автор повести "Возвратная волна" заговорил о жестокой капиталистической эксплуатации рабочих. Позитивистские публицисты 80-90-х годов прославляли шляхту за ее "помощь" народу - а Прус в повести "Форпост" показывает, как далеки друг от друга помещики и крестьяне, как враждебно крестьяне относятся к помещику, с которым ведут непрерывную борьбу за землю. Позитивизм провозглашал предпринимателей рыцарями национального прогресса - а Прус дает резкую критику буржуазного стяжательства и в "Возвратной волне", и в "Кукле", и в других произведениях. Позитивизм болтал о "честном" капиталисте, заботящемся об интересах общества, - автор "Куклы" убедительно показал, что буржуа, как бы "честен" он ни был субъективно, не может не быть эксплуататором, и если даже в условиях капитализма народится такой "гуманный" делец, он окажется среди других белой вороной и неизбежно будет раздавлен существующим жизненным укладом. Позитивизм уверял, что тяжелое положение трудящихся облегчают просветительство и филантропия, а

художественные произведения Пруса (хоть и появляются у него подчас положительные образы "добрых людей", помогающих сиротам и обездоленным) показывают, в сущности, что в условиях буржуазного общества деятельность эта либо лицемерие, либо капля в море всеобщей нужды.

По мере обострения капиталистических противоречий Прус постепенно расставался с позитивистскими иллюзиями. В 80-е годы он часто пишет о кризисе общественного сознания, подвергает критике буржуазные "свободы". "Свобода, - пишет Прус в 1885 году, - это палка о двух концах... Когда один конец называется "свободой", а другой "произволом", "эгоизмом", тогда палка из посоха превращается в разбойничью палку, которой более богатые, более ловкие и привилегированные бьют по спинам бедных и менее ловких".

Демократизм Пруса постоянно в ряде важнейших вопросов общественной жизни ставил его в противоречие с позитивистскими идеями. Однако позитивистские влияния придают этому демократизму ограниченный, непоследовательный характер.

Наблюдая тяжелые условия жизни и труда рабочих, показывая, что их интересы непримиримы с интересами эксплуататоров, Прус не делает вывода о необходимости социальной борьбы рабочего класса и даже склоняется подчас к мысли о ее нежелательности. "Времена сейчас слишком тяжелые, - замечает Прус в 1888 году, - чтобы к общим бедам добавить еще раздоры между рабочими и работодателями".

Демократическими и прогрессивными по своей природе были эстетические взгляды Пруса. Он был сторонником искусства, имеющего общественное назначение, доступного широким демократическим кругам, правдиво отражающего действительность. Писатель неоднократно утверждал, что подлинное искусство не может замыкаться в себе, так как "поэты, художники и их произведения являются в широком смысле слова продуктом жизни, общественного развития". Прус призывает писателей внимательно изучать жизнь: "Исследуй и люби все, что тебя окружает: природу, людей, даже уродство и нищету. Не погружайся в бесплодные грезы, а старайся приблизиться к жизни и тогда найдешь в ней столько красоты, сколько не придумал бы самый гениальный поэт".

Именно изучение действительности, на основе которого писатель приходит к определенным выводам, обобщениям и новым идеям, является, по мнению Пруса, непременным условием новизны и значительности литературного произведения.

"Если писатель, - говорит Прус, - присматриваясь к обществу, подмечает в нем новые человеческие характеры, какие-либо новые цели, к которым эти люди стремятся, действия, которые они совершают, и результаты, каких они добиваются, и беспристрастно описывает то, что увидел, он создает реалистический роман или драму".

Прус поддерживал реалистическое направление и в польской живописи. Он выступает, например, в защиту художника Александра Герымского, чьи произведения, правдиво изображавшие тяжкую долю рабочих, крестьян, городской бедноты, вызвали недовольство буржуазных снобов. Прус высмеивает критиков, утверждавших, что в произведениях Герымского "нет идеи", и замечает, что критики эти признают "идею" лишь в тех произведениях, которые посвящены жизни "высших" слоев общества.

Реалистические принципы в искусстве были связаны у Пруса с требованием национального содержания и тематики. "Итальянское небо и итальянские руины надо оставить итальянцам, английскую охоту - англичанам, а самим научиться видеть наше небо, наши пески, сосны, вербы, дворы и хаты, по которым мы так тоскуем на чужбине". Вместе с тем Прус выступал и против националистических тенденций в литературе. В рецензии на роман "Огнем и мечом" он упрекает

Сенкевича в тенденциозно-неправдивом изображении борьбы украинского народа и указывает на ее социальные причины.

Прус проявлял живой интерес к русской культуре, литературе и искусству, философской и естественно-научной мысли. В личной библиотеке писателя было сто пятьдесят пять книг на русском языке. Еще будучи студентом, он познакомился с работами И.М.Сеченова и в одном из писем советовал своему товарищу прочитать "материалистическую оригинальную брошюру Сеченова на русском языке - "Рефлексы головного мозга".

В условиях национального гнета со стороны царского самодержавия Прус сохранил уважение к передовым людям России. "Я глубоко убежден, - пишет он известному языковеду Бодуэну де Куртенэ, - в необходимости сближения и взаимопонимания между всеми честными, разумными, энергичными и талантливыми поляками и русскими. Ибо есть множество дел, над которыми мы могли бы сообща трудиться. Одним из таких дел явилось бы уменьшение или ограничение взаимных предрассудков, ненависти и вытекающего из них вреда".

Чрезвычайно высоко ценил Прус творчество Л.Н.Толстого. Толстой для него - "величайший", "необыкновенный человек", "огромного таланта художник". Он приветствовал появление польского перевода "Воскресения" (1900) и принял участие в полемике вокруг романа, защищая его от нападков реакционной критики. Прус с восхищением говорит о мастерстве Толстого, его умении создавать пластические образы, правдивые человеческие характеры.

Прус ценил и русскую реалистическую живопись. "Это большое искусство, - писал он о произведениях Репина, Сурикова, Крамского, Мясоедова, Верещагина. - Это не упражнение глаза и руки, не красочные этюды, не вариации на заказанную тему, а произведения законченных мастеров, которые глубоко чувствуют окружающее, умеют выявить в нем характерные черты и показать их зрителю".

Прус был хорошо знаком и с западноевропейской литературой. Из авторов, которых он особенно ценил, которые были близки ему по духу своего творчества и оказали определенное влияние на формирование Пруса как писателя, следует назвать в первую очередь Бальзака и Диккенса.

х х х

Прус заслуженно считается одним из основоположников и замечательных мастеров польской новеллы. С 1872 по 1885 год им написано около шестидесяти рассказов.

Начал он с веселых, но не всегда содержательных юморесок и шуток. Позднее Прус с горечью будет вспоминать о годах, когда он, вынужденный писать ради заработка, должен был думать лишь о том, чтобы развеселить читателя. "Не знаю, - пишет он в 1890 году, - есть ли в нашей литературе человек, который чувствовал бы такое отвращение к шуточным рассказам, как я, и который столько бы претерпел, сколько я, из-за веселого настроения читателя... С тех пор как я начал заниматься литературой, я не скрываю своей антипатии к бессмысленным шуткам. Подписывался псевдонимом* просто от стыда, что пишу такие глупости".

* "Прус I, - пишет о псевдониме писателя современная польская писательница Мария Домбровская, - это герб обедневшей семьи Гловацких,

последний пустячный обломок ее шляхетства, стоил лишь того, чтобы подписывать им пустяковую, как думал автор, писанину. Предчувствовал ли Александр Гловацкий, что поднимает это истлевшее прозвание до чести быть одним из величайших польских имен?"

Действительно, в ранних вещах писателя комизм был чаще всего комизмом положений, забавных случайностей и нелепостей, юмор был грубоват, подчас граничил с фарсом, непритязательной карикатурой. Но обращение к юмору не осталось случайным эпизодом в писательской биографии Пруса. В ряде самых программных и социальных его произведений, написанных спустя годы, юмор выступает как необходимый и важный компонент авторского восприятия и изображения действительности. Юмор зрелого Пруса служит большому замыслу: оттеняет, обогащает, приближает к читателю гуманистическую позицию автора, еще более "очеловечивает" его героев, помогает установлению меры вещей, иногда становится на службу язвительному обличению.

Эту совместимость "серьезного" содержания с юмором Прус начинает постепенно открывать уже и в ранних своих рассказах. Даже непритязательные его юморески содержат немало интересных наблюдений, выразительных бытовых и психологических деталей. Из нелепых фарсовых ситуаций у него складывается подчас общая картина жизни обывательской среды, жизни нелепой, застойной, лишенной осмысленного содержания. Случается, что в рассказе, действие которого - цепь забавных недоразумений, основой, на которой недоразумения эти возникли, оказывается факт далеко не шуточного и не случайного порядка, например, жесточайшая нужда героев. Генрик Сенкевич в рецензии на рассказы Пруса пишет, что на дне юмора Пруса, "такого веселого и искреннего, лежат слезы".

Рядом с легкими шуточными рассказами появляется все больше таких, как "Жилец с чердака" (1875), "Дворец и лачуга" (1875), "Сиротская доля" (1876) и другие, где затрагиваются уже жгучие общественные проблемы, изображаются трагические людские судьбы. В рассказах Пруса начинают звучать язвительная критика шляхты ("Деревня и город", "Анелька"), негодование по поводу нечеловеческих условий жизни городской бедноты ("Дворец и лачуга", "Сочельник", "Шарманка", "Бальное платье" и другие). Одним из первых в польской литературе писатель заговорил о нарождающемся польском пролетариате ("Жилец с чердака", "Михалко"). Суровым обвинением обществу явились его рассказы о горькой доле детей городских и деревенских бедняков ("Сиротская доля", "Антек", "Грехи детства", "Шарманка" и другие).

Современному читателю бросится в глаза портящий некоторые рассказы Пруса налет сентиментальности и мелодраматизма. Но не надо забывать, что они создавались в тот период творчества писателя, когда увлечение позитивистскими идеями часто выражалось у него в стремлении поразить читателя из образованных классов зрелищем бедняцкого горя, пробудить в нем сочувствие к доле "меньшого брата", в период писательской молодости Пруса, только еще выработывавшего свою художественную манеру.

Прус считал закономерным приход в литературу героя-труженика. "Если прежде героями романов были князья, графы и вообще лица благородного происхождения, а самой распространенной темой - любовь, то теперь героями являются ремесленники, швеи, старьевщики и батраки, а распространенной темой - нищета, отсутствие помощи и порок".

Нельзя сказать, что в своем обращении к "маленькому человеку" Прус вовсе не имел предшественников в отечественной литературе. Можно здесь вспомнить и крестьянские повести Ю.И.Крашевского, и стихотворения, вернее

стихотворные новеллы, В.Сырокомли (Л.Кондратовича) и другие произведения. Но ни у кого до Пруса герой из социальных низов не изображался с такой реалистической достоверностью, с таким знанием житейской обстановки, в таком разнообразии типов, ни у кого он не занял такого места в творчестве. Г.Сенкевич писал о Прусе: "Он создает для себя читателей в таких сферах, где никто из пишущих не сумел их до настоящего времени создать, - и в этом большая заслуга Пруса... Но Прус не только создал для себя читателя в классах, которые до сих пор не читали, он ввел в художественную литературу элемент, который она до сих пор почти не принимала во внимание... - класс работающих по найму, живущих трудом на фабрике, поденным заработком в городе... Прус первый ввел этот класс в литературу, как и бедное мещанство в узком смысле этого слова - и столичное и провинциальное: мелких ремесленников, извозчиков, кустарей, подмастерьев-каменщиков, мостильщиков, мельников, кузнецов и т.д... Он раскрыл нам души этих людей, запечатлел их быт, долю и недолю, их обычаи, он первый отразил в печати их способ мышления, их язык".

Это новаторство Пруса отвечало жизненным потребностям развития польской литературы, что подтверждается как появлением героя из социальных низов в творчестве реалистов - современников Пруса (Э.Ожешко, М.Конопницкой и других), так и практикой демократических писателей XX века (тема "маленького человека" в прозе М.Домбровской, стихотворениях Ю.Тувима, в произведениях авторов из группы "Предместье" и т.д.).

Для Пруса-гуманиста характерно то, что его бедняки не просто жертвы бесправия и невежества. Внутренний мир их не изображается писателем как примитивный: напротив, он, как правило, богат, интересен и привлекателен. Под их грубой внешностью часто скрывается доброе, отзывчивое сердце, готовность помочь другим, совершить подвиг ("Михалко", "На каникулах"). Писатель видит не только страдания тружеников, но и значение их созидательного труда для развития общества, для самого его существования. Скромный труд безвестного фонарщика в рассказе "Тени" становится у Пруса символом движения человечества к лучшему будущему, прогресса, достигаемого трудом и просвещением: "В сумерках жизни, где ошупью блуждает несчастный род людской, где одни разбиваются о преграды, другие падают в бездну и никто не знает верного пути, где скованного предрассудками человека подстерегают зловключения, нужда и ненависть, - по темному бездорожью жизни также снуют фонарщики. Каждый из них несет над головой маленький огонек, каждый на своем пути зажигает свет, живет незаметно, трудится, никем не оцененный, а потом исчезает, как тень..."

Иным было отношение Пруса к имущим классам. Он изображал уродующее человека, разбивающее естественные человеческие отношения стяжательство, погоню за деньгами, равнодушие буржуа к прекрасному в жизни и искусстве ("Проклятое счастье", "Обращенный", "Шкатулка бабушки", "Эхо музыки").

Стачки и волнения рабочих 70-х годов привлекли внимание Пруса к основному противоречию эпохи - борьбе рабочих и капиталистов. Под влиянием этих событий, а также рабочего движения за рубежом Прус приходит к выводу, что "вопрос о положении рабочего класса является одной из важнейших проблем общественной жизни", посвящает рабочему вопросу несколько статей ("Наши рабочие", "От имени класса трудящихся" и другие).

В повести "Возвратная волна" (1880) Прус стремится показать, какова изнанка капиталистического прогресса, за чей счет создаются прибыли хозяев, как жестока капиталистическая эксплуатация и как нарастает возмущение рабочих против нее. Изображенный в повести фабрикант Адлер в своем

фанатическом стремлении увеличить капитал снижает заработную плату рабочим, грубо обчитывает их, увеличивает штрафы, увольняет в целях экономии единственного врача, а потом и фельдшера. Трагическая смерть рабочего Гославского вызвала на фабрике волнения, и Прус считает справедливым массовый протест рабочих.

Фабрикант-немец в повести Пруса появился не случайно. Немецкий и вообще иностранный капитал играл большую роль в развитии капитализма в Польше. Показывая, что классовая вражда к фабриканту-немцу у рабочих-поляков соединялась с чувством национальной ненависти, Прус акцентирует внимание прежде всего на социальной природе конфликта.

Образ фабриканта Прус намеренно создал таким, чтобы он вызывал наибольшую антипатию читателя; в отрицательном герое повести подчеркнуты отсутствие человечности, ограниченность и бедность мысли, даже отталкивающие черты внешности: "...трудно было представить себе, как бы выглядела улыбка на этом мясистом и апатичном лице, на котором, казалось, безраздельно господствовали суровость и тупость". Цель Адлера - накопить миллион, продать фабрику и уехать с сыном за границу: "подниматься на воздушном шаре, заглядывать в кратер вулкана, танцевать в тысячу пар канкан в самых богатых салонах Парижа, купать женщин в шампанском, выигрывать или проигрывать, ставя на карту сотни рублей".

Писатель как бы намечает в образе сына Адлера, Фердинанда, перспективу вырождения класса капиталистов, превращающихся из организаторов производства в паразитический нарост на теле общества. Фердинанд не думает даже о том, чтобы наживать деньги. Он умеет только тратить. Для него нет любимого дела, нет родины. "Я космополит, гражданин мира", - заявляет он отцу.

Настоящих людей Прус ищет среди тех, кто трудится. С искренним уважением рисует он образ слесаря Гославского, по своим моральным качествам, по своему духовному развитию стоящего неизмеримо выше Адлера и его сына. Но критика капитализма автором "Возвратной волны" имела и свои слабые стороны. Критикуя эксплуататора, Прус выступает прежде всего как моралист. Поэтому зло, причиняемое трудящимся капитализмом, выступает в повести преимущественно как зло, возникающее в результате жадности и бесчеловечности конкретного фабриканта. А возмездие, настигающее Адлера в конце повести, изображено как "промысел судьбы", кара за преступления против морали.

Большого Прус не смог сказать. Но ценность повести определяется четкостью социальных симпатий автора, отданных людям труда. Прус выступал зачинателем, первооткрывателем темы: только в 80-е годы появятся рассказы о рабочих Э.Ожешко ("Романова") и М.Конопницкой ("Дым"), в 90-е - рассказы З.Недзвецкого, романы "Углекопы" и "Доменщик" А.Грушецкого, "Обетованная земля" В.Реймонта.

В 1885 году Прус пишет повесть "Форпост", где с замечательной глубиной и полнотой показаны жизнь, быт и психология польского крестьянина.

Крестьянский вопрос занимает в эти годы наряду с рабочим вопросом важнейшее место среди проблем польской жизни и привлекает внимание передовой литературы. Крупнейшие писатели - Э.Ожешко, Б.Прус, М.Конопницкая - посвящают свои произведения польскому крестьянину.

Прус обратился к крестьянской теме не только потому, что в деревне в очень большой мере решалась судьба общественного развития. Он считал, что в деревне литература найдет "характеры полные и выразительные, бесхитростный разум, сильные чувства. Там до сего дня есть скупые, каких описывал Мольер.

Там, в крытой соломой хате, размышляет не один Макбет, плачет не один Лир... Там сокровищницы ситуаций и типов, которые, однако, никем не замечены".

В одной из корреспонденций в польский журнал "Край", издававшийся в Петербурге, Прус, говоря о крестьянском вопросе и о прогрессивных сдвигах в польской литературе, которые, по его мнению, состояли в том, что место позитивистского героя, то есть инженера, предпринимателя и т.д., начал занимать крестьянин, указывает на пример русской литературы: "Стыдно признаться, но в крестьянском вопросе мы, поляки, остались далеко позади русских. У них крестьянская тема была модной еще тогда, когда у нас поэты или драматурги "боролись с губительным влиянием позитивизма и естественных наук". И только теперь, когда в России уже возникла целая литература, или описывающая народ, или предназначенная для народа, мы начинаем обращать к народу первые взгляды".

Сюжетом "Форпоста" является история упорной борьбы рядового польского крестьянина Слимака за свою землю.

Это была тема серьезного общественного значения. Дело в том, что значительная часть польских земель явилась во времена Пруса объектом немецкой колонизации. Особенно интенсивно эта колонизация шла, разумеется, в той части Польши, которая была захвачена Пруссией, где власти, осуществляя пресловутый "Дранг нах Остен" и усиливая национальный гнет, притесняя польский язык и школу, всячески способствовали переходу землевладений из польских рук в немецкие. Но поселения немецких колонистов были и в Королевстве Польском. Известно, что в "Форпосте" Прусом описана деревня, находящаяся недалеко от Люблина, где писатель бывал и собрал материал для своего произведения*.

* Об этом пишет С.Жеромский со слов хорошо знавшей Пруса О.Родкевич (впоследствии - жена Жеромского): "...Пани Октавия рассказывала мне историю написания "Форпоста". Сюжет взят из жизни деревни Пшибыславицы и немецкой колонии, находившейся по дороге в Люблин. Пани Октавия ездила туда вдвоем с Прусом, когда он собирал материал. Они ходили по хатам и к реке, о которой говорится в "Форпосте", сидели по полдня у немцев" (С.Жеромский, Дневники, Варшава, 1956, т. III, стр. 496).

Протест против немецкой колонизации охватил самые широкие слои поляков во всех частях Польши.

Повсеместно стали создаваться крестьянские союзы, общества взаимопомощи. "Крестьянские организации и "школьная война", - отмечал В.И.Ленин, - пробудили крестьян. Немецкая переселенческая политика открыла борьбу крестьян за польскую землю..."* Активно боролись против колонизации патриотическая пресса и литература. В некоторых газетах появилась рубрика "К позорному столбу", где перечислялись фамилии помещиков, продавших имения немцам. Был создан ряд художественных произведений, рисующих тяжелые последствия германизации и прославляющих крестьянское сопротивление проникновению колонизаторов ("Бартек-победитель" и "Из дневника познанского учителя" Сенкевича, "Глупый Франек", "В Винявском форте", "Присяга", "Ходили тут немцы" Конопницкой, "На границах" Я.Захарьяевича и другие).

* Ленинский сборник, т. XXX, стр. 79.

Как подчеркивает название повести, крестьянина и его вековую привязанность к земле Прус рассматривал как надежный форпост польского

народа на принадлежащих ему землях и противопоставлял мужицкую стойкость антипатриотическому эгоизму помещиков, с которыми поборникам колонизации было чрезвычайно легко сговориться.

При этом Прус нигде не впадает в националистическую тенденциозность. Изображение немцев в повести (не только в отрицательных, но и в положительных образах) подчеркивало, что автор ее выступал лишь против предпринимателей типа Гаммера, осуществляющих на польской земле колонизаторские планы прусского юнкерства.

Яркая картина социальных конфликтов в деревне включает в себя отношения между крестьянином и панской усадьбой (Слимак и помещик), между хозяевами и батраками (Слимак и Мацек Овчаж), между кулачеством и остальными крестьянами (Гжиб и Слимак).

Трезвый взгляд на то, что происходило в деревне, позволил писателю создать реалистический, обладающий типичными приметами крестьянской психологии образ главного героя. Его Слимак наделен и чертами труженика, что сближает его с бедным крестьянством, и чертами собственника (не случайно в конце повести Слимак заключает союз с кулаком Гжибом). Прус не идеализирует своего мужика. Он не скрывает его порою жестокого, истинно "хозяйского" отношения к батраку Овчажу, темноты, невежества, забитости, боязни всего нового - и объясняет эти черты условиями тогдашней деревни.

Шляхетская семья изображена автором "Форпоста" в ироническом плане, с большой дозой пренебрежения. У Пруса нет иллюзий относительно способности шляхты к доброму делу. Насмешливо именуя "панича", помещичьего шурина, "другом народа", "демократом", "демократическим сердцем" и т.д., писатель показывает, что панские "демократические замашки" не имеют ровно никакой цены.

Верный жизненной правде, Прус наделяет своего Слимака пониманием различия помещичьих и крестьянских интересов: "Я как был, так и останусь поденщик и мужик, а он так и останется паном... мужик пану, как и пан мужику, всегда наперекор сделает".

В "Форпосте", написанном рукою зрелого мастера, уже нет многих приемов, свойственных ранним новеллам Пруса: элементов сентиментальности, стремления к необычным ситуациям, декоративности, рассчитанных на внешний эффект контрастов. Замысел большого произведения требовал от писателя обогащения художественных средств, более разносторонней характеристики героев.

"Никто, кроме Сенкевича в "Набросках углем", не заглянул так глубоко в душу польского крестьянина, - пишет о Прусе его современник писатель и публицист Александр Свентоховский, - никто не увидел в нем такого источника затронутых грубостью, но зато здоровых чувств, никто не обнаружил скрытых путей его мысли, никто так не постиг его удивительной логики, источника его симпатий и антипатий, как сделал это Прус. Здесь нужна была интуиция большого таланта".

Стефан Жеромский назвал "Форпост" "гениальной вещью". Касаясь задач польской литературы, он приводил в пример повесть Пруса: "Форпост" может служить мерилем в дискуссиях по нашей национальной психологии. Вот как я понимаю наше искусство: реализм, правда, объективное сопоставление характеров".

Следующим крупным произведением Пруса явился роман "Кукла" (отдельное издание - в 1890 году).

В 80-е годы происходило дальнейшее обострение противоречий польского капитализма. Продолжало развиваться рабочее движение. Первая рабочая партия "Пролетариат", организованная в 1882 году Людвиком Варынским, начала пропаганду марксизма среди польских рабочих. Партия была разгромлена царскими властями, четыре ее руководителя повешены у стен Варшавской цитадели в 1886 году, но семена, посеянные ею, упали на благодатную почву.

Для литературы это были годы полной зрелости польского критического реализма, обостренного внимания передовых писателей к общественным противоречиям. Как раз в 80-е годы Прус и Ожешко создают лучшие свои произведения: Прус - "Форпост" и "Куклу", Ожешко - "Низины", "Дзюрдзи", "Хам", "Над Неманом".

Прус намеревался сначала озаглавить свой роман по-другому: "Три поколения". В одном из писем 1897 года он рассказал о том, как родилось окончательное название: "В романе имеется глава, посвященная процессу о краже куклы, настоящей детской куклы. Такой процесс действительно имел место в Вене. И поскольку этот факт вызвал в моем уме кристаллизацию, соединение воедино всего романа, я, в благодарность, использовал слово "кукла" как заглавие".

В романе нашли отображение деградация, разложение шляхты и формирование буржуазии, рост социального неравенства, вопиющая нищета трудящихся капиталистического города. Ни в одном из произведений польской литературы того времени буржуазное общество не изображено так полно и глубоко, как в романе "Кукла".

Хотя действие происходит на протяжении двух лет (1878-1879), роман благодаря введенному и него дневнику одного из персонажей, обращаясь в прошлое, касается и событий почти сорокалетней давности.

Центральное место в романе занимает Станислав Вокульский. Это сложный, противоречивый характер. Сам писатель в одном из высказываний характеризует его как "человека переходной эпохи": "Вокульский воспитывался и действовал в тот период, который начался поэзией, а окончился наукой, начался обожествлением женщины, а кончился осознанной проституцией, начался рыцарством, а кончился капитализмом, начался самопожертвованием, а кончился погоней за деньгами".

Вначале Вокульский выступает как труженик, ученый, как общественный деятель и участник восстания 1863 года. Однако условия того времени не дают ему, человеку без денег и положения, возможности развернуть свои силы и способности: "Ребенком он жаждал знаний, а его отдали в магазин при ресторане. Служа там, он надрывал свои силы, занимаясь по ночам, и все издевались над ним, начиная с поваренка и кончая подвыпившими в ресторане интеллигентами. А когда он попал наконец в университет, его стали дразнить напоминаниями о кушаньях, которые он недавно разносил в ресторане". О конспиративной деятельности Вокульского и о его участии в восстании 1863 года Прус, имевший дело с цензурой, сообщает краткими намеками. Герой романа принимает активное участие в тайном кружке молодежи, где слышит пламенные речи революционера Леона "о будущем, лучшем устройстве мира, при котором исчезнут глупость, нищета и несправедливость... не будет больше различий между людьми". Сосланный в Сибирь, Вокульский продолжает заниматься наукой. "Был ли он лакеем, - характеризует своего героя Прус, - ночи напролет просиживающим за книгой, или студентом, пробивающимся к знаниям вопреки

нужде, или солдатом, шедшим вперед под градом пуль, или ссыльным, который в занесенной снегом лачужке работал над научными изысканиями, - всегда он носил в душе идею, опережавшую современность на несколько лет. А другие жили лишь сегодняшним днем ради своей утробы или кармана".

По возвращении из ссылки для героя наступает время несбывшихся надежд, напрасных поисков работы, полуголодной жизни.

Это было глухое время, время политической реакции, спада общественного движения, когда часты были разочарования и отступничества, малодушные примирения с тем, что диктовал житейский расчет. И Вокульский принимает решение, равное отречению от первой части его биографии и определившее дальнейшую его жизнь. Он женится на богатой вдове и становится купцом. Встреча с аристократкой Изабеллой и любовь к ней заставила Вокульского (как объясняет поведение героя автор) затратить все силы ума и души на то, чтобы как можно выше подняться по ступенькам общественной лестницы, нажать состояние. Стремясь совершить скачок "из каморки при магазине в будуар графини", он расширяет свое предприятие, от мелкой торговли переходит к спекулятивным операциям, из владельца маленького магазина становится крупным финансистом, дельцом международного масштаба.

Автору "Куклы" ясно, что Вокульский не мог личным трудом заработать свои миллионы. "Воображаю, как бы вы себя почувствовали, - говорит герою романа изобретатель Охоцкий, - если б когда-нибудь вам явились все те, кто сейчас работает ради ваших прибылей, и спросили: "Чем воздашь ты нам за наши труды, за нашу нужду и недолголетнюю жизнь, часть которой ты забираешь у нас?" Фанатик науки и патриот превратился в буржуа-эксплуататора. Прус образно характеризует три этапа жизненного пути героя: лев (Вокульский в юности, участник кружка Леона и повстанец), вол (Вокульский-купец, муж госпожи Минцель), волк (Вокульский-предприниматель).

Но Вокульский, такой, каким изобразил его Прус, слишком незаурядная индивидуальность, чтобы удовлетвориться коммерческим преуспеванием, ролью богатеющего буржуа. Он постоянно испытывает сомнения и разочарования.

И примечательно, что Прус наделяет героя на этом этапе его жизни переживаниями, довольно типичными для той социальной среды, в которую он вступил: Вокульского терзает мысль о неодолимой дистанции, которая навсегда отделила его, человека "низкого" происхождения и занятий, от "благородной" шляхты. Это было чрезвычайно характерно для польского общества, где были еще сильны феодальные пережитки, живо раболепство перед "голубой кровью".

Приобретательство не может стать для Вокульского целью всей жизни. "Если бы я мог удовлетвориться несколькими десятками тысяч годового дохода да игрой в вист, я был бы счастливейшим человеком в Варшаве, - рассуждает герой романа, - но, так как у меня, кроме желудка, есть и душа, жаждущая знаний и любви, мне пришлось бы там погибнуть". Он сохраняет человечность и отзывчивость, уважение к честности и личной порядочности, сочувствует обездоленным и даже помогает некоторым из них. Мало того, он предвидит неминуемый крах буржуазного порядка. "Рано или поздно, - говорит он, - общество должно будет перестроиться от основания до самой верхушки. Иначе оно сгниет".

В одной из статей Прус сказал о том, что хотел изобразить в Вокульском человека, стремящегося к большим делам и целям: "Вокульский - это не "конгломерат", а тип, очень часто встречающийся у нас... Это человек, в котором мысль, чувство, воля и органические силы достигли высокой степени напряжения. Когда судьба подавила в нем рыцаря, в нем проснулся ученый,

когда он остался вдовцом... - проснулся (вследствие нерастрченных физических сил) влюбленный, который стал спекулянтом, когда погибли влюбленный и спекулянт, вновь проснулся ученый".

Противоречивое положение Вокульского, испытывающего отвращение к предпринимательской деятельности, и его любовь к Изабелле, завершившаяся глубоким разочарованием, обусловили духовный кризис и гибель героя. Чтобы преодолеть этот кризис, он должен был или стать "нормальным" капиталистом, как те, которых он презирает, или порвать со своим классом. Прус не ставит Вокульского перед необходимостью выбора. Но, в отличие от Сенкевича, автора "Семьи Поланецких", он утверждает, что нельзя быть одновременно капиталистом и честным человеком, а тем более богатой духовно, творческой личностью. Тот, кто, подобно Вокульскому, не может выпутаться из противоречия между своим социальным положением и совестью, неминуемо кончит банкротством. Задуманный Прусом характер был сложен, во многом необычен, но художник сумел сделать его интересным читателю и убедительным. "Это живой человек, - пишет о Вокульском Мария Домбровская, - мой хороший знакомый с десятого года моей жизни". Писательница особенно отмечает мастерство Пруса в изображении любви Вокульского к Изабелле. "Кукла", - пишет она, - является первым в польской прозе "романом" на высоком уровне, написанным с силой, страстью, с поразительным знанием психологии чувств и вместе с тем по-шенкелевски мужественно, экономно, без издержек сентиментальности".

"Тема "Куклы" такова, - писал о своем произведении Прус: - изображение наших польских идеалистов на фоне разложения общества. Разложение состоит в том, что хорошие люди прозябают или бегут, а подлецы преуспевают... что хорошие женщины (Ставская) несчастны, а дурные (Изабелла) - обожествляются, что люди незаурядные наталкиваются на тысячи препятствий (Вокульский), что у честных не хватает энергии (князь), что человека действия угнетают всеобщее недоверие, подозрения и т.д."

Нет места в описанном Прусом обществе и такому идеалисту, как Жецкий. Воспитанный в атмосфере прошлой эпохи, эпохи патриотической конспирации и восстаний, чудаковатый поклонник Наполеона, с которым польские патриоты связывали в свое время надежды на освобождение Польши, Жецкий принимает участие в венгерской революции 1848 года и даже после поражения восстания 1863 года остается верен прошлым идеалам, упорно ожидает "всеобщей войны за свободу народов", которая вернет независимость Польше. Он не хочет видеть, что общество изменилось, что его современники приспособляются к буржуазному развитию. Он в неприкосновенности сохраняет даже заблуждения своей молодости, наивно веря в нового Наполеона, который наведет "порядок в Европе". Прус представил Жецкого живым анахронизмом. В эпоху погони за деньгами смешны его романтизм и готовность к самопожертвованию, так же как смешны его клетчатые брюки более чем десятилетней давности. Но в данном случае юмор Пруса - это благожелательный, мягкий юмор. Он ставит героя на истинное его место в общественном развитии, ушедшем далеко вперед, подчеркивает (в духе мицкевичевского юмора в "Пане Тадеуше") принадлежность героя к невозвратному прошлому и вместе с тем никак не исключает сочувствия автора и читателя к той славной национальной традиции, которая в этом образе представлена. "Он, наверное, единственный в европейской литературе, - писал о Прусе Стефан Жеромский, - кто обладает дивным даром характеристики беллетристических образов с помощью возвышенного и тонкого юмора. В этом его бессмертие".

Последовавшая за героическими годами эпоха буржуазного стяжательства разбила в прах идеалы героя. "И это век, идущий на смену восемнадцатому! -

гневно восклицает Жецкий. - Восемнадцатому веку, тому самому, который начертал на своих знаменах: "Свобода, равенство и братство!" Ни исходе своих лет Жецкий так же, как и Вокульский, приходит к мысли, что жизнь устроена скверно, и убеждается в своем бессилии найти какой-то выход.

Изображая аристократическую среду - Изабелла Ленцкая, ее отец, Старский и другие, - Прус с большой художественной убедительностью раскрывает ее моральную и социальную деградацию. Из такой, например, детали романа, как портрет барона Кшешовского, похожего "на умершего от чахотки, у которого уже в гробу отросли усы и бакенбарды", возникает образ всей польской аристократии, исторически умершей, но еще выглядящей как живая и растущая.

Изабелла является воплощением тунеядства аристократии, с ее презрительным отношением ко всякому труду, воплощением черствости и чванства. Она не имеет никаких духовных запросов и стремлений, считает шляхту "высшей расой", презирает "простолюдинов". "Что она делала? - спрашивает себя Вокульский, разочаровавшись в этой бездушной "кукле". - Ничего. Служила украшением гостиных". Другой герой романа, доктор Шуман, в этом же духе характеризует всю аристократию: "Возьмите семейство Ленцких - что они делали? Проматывали свои богатства - дед, отец, и, разумеется, сын... Возьмите князя - что он делает? Причитает над "нашей несчастной отчизной" - только с него и возьмешь. А барон Кшешовский? Стараются вытянуть побольше денег у жены. А барон Дальский? Терзается от страха, как бы супруга ему не изменила. Пан Марушевич рыщет, где бы подзанять денег, а если не удастся занять, попросту жульничает; а пан Старский не отходит от постели умирающей бабки, чтобы подсунуть ей завещание, составленное в его пользу".

Показательно, что автор "Куклы" не проявляет особого интереса к внутреннему миру аристократических героев, считая его примитивным, и характеристики его (что свойственно сатирически-обличительной манере писателя) основаны, в сущности, на подчеркивании какой-либо одной черты, отличающей одного персонажа от других (князь - "патриотический" болтун, граф Литинский - "англичанин", барон - просто картежник и т.д.). "Словом, каждый человек сводился к какому-либо достоинству или недостатку... а чаще всего к титулу или богатству; к этому прилагались голова, руки, ноги и более или менее модный костюм".

Прус подчеркнул, что вырождение отдельных представителей аристократии связано с упадком шляхетского сословия в целом. Картина его распада и гниения производит впечатление тем более отталкивающее, что эта безнравственная, но по-своему "благополучная" жизнь протекает в стране, где народ тяжело страдает от национального и социального гнета. "Вот она, страна в миниатюре, - размышляет Вокульский, наблюдая бедные окраины Варшавы, - где все способствует тому, чтобы народ опускался и вырождался. Одни погибают от бедности, другие от разврата".

В этих высказываниях героя романа звучат собственные выводы Пруса. В одной из статей 1883 года он писал: "...дворец нашей цивилизации стоит на болоте, которое называется нищетой, темнотой и безнравственностью общества". В другой статье он заявляет, что в Варшаве, имеющей "две тысячи проституток и такое же количество уличных нищих", "начинается просто-напросто общественное гниение".

Варшава - город аристократических дворцов и купеческих доходных домов, город бедных окраин - стала своеобразной героиней романа, заняла в нем одно из главных мест. Точность описаний у Пруса такова, что варшавяне и теперь безошибочно узнают места, где был старый и новый магазин Вокульского на Краковском Предместье, дом Ленцких на Кручей улице. На доме номер четыре по

улице Краковское Предместье варшавянами установлена даже табличка с надписью, что в этом доме в 1878-1879 годах жил Станислав Вокульский.

Разоблачая пороки общества, Прус не находит путей к его переустройству. Он пробует обратиться к социальной утопии, думает о последствиях научного прогресса, вводит в роман образ ученого Гейста, мечтающего об изобретении металла легче воздуха, но все-таки понимает, что подобное открытие не спасет человечества. В одной из статей 1884 года писатель так ставит вопрос: "Разве летательная машина завтрашнего дня будет послушна только честным и умным, а не глупцам и мерзавцам? Кто будет иметь много денег, тот будет летать высоко, как кондор, кто мало - чуть выше воробья и кто совсем без денег - будет ходить по земле..." Не случайно Гейст боится, что изобретением завладеют "сильные мира сего", и хочет отдать его неким "справедливым людям".

Есть в романе "Кукла" упоминание о деятельности первых социалистических организаций в Польше. Приказчик Клейн связан с какими-то тайными кружками, читает нелегальные брошюры. Судя по некоторым намекам, с социалистами связаны и студенты, живущие в доме Вокульского. В конце романа сказано, что Клейна и студентов арестовали, и читатель догадывается, что поводом была их социалистическая деятельность.

Дело, конечно, не в том, что писатель не мог из-за цензуры писать о социалистическом движении. Прус, относившийся с симпатией к убежденности и самоотверженности социалистов, смотрел на них как на мечтателей, не увидел в их идеях реальной силы, которая способна овладеть массами и перестроить мир.

Изображение борьбы рабочих с капиталистами не входило в намерения писателя и не нашло в романе своего места. Однако некоторые страницы свидетельствуют о том, что писатель все-таки почувствовал грозную силу пролетариата. В "Кукле" есть замечательное по своему значению и художественной выразительности описание металлургического завода, на котором побывала Изабелла Ленцкая:

"Еще из экипажа, спускавшегося по горной дороге... панна Изабелла увидела внизу пропасть, полную клубов черного дыма и белого пара, и услышала скрежет, лязг и пыхтение машин. Потом она осматривала печи... изрыгавшие пламя, могучие колеса, вращавшиеся с молниеносной быстротой... потоки раскаленного добела металла и полуголых, похожих на бронзовые изваяния рабочих, бросавших угрюмые взгляды по сторонам. Надо всем этим простиралось кровавое зарево, гудение колес, стоны мехов, грохот молотов и нетерпеливые вздохи котлов, а под ногами дрожала, будто от страха, земля".

Каждая деталь этого описания создает впечатление силы и угрозы, ожидания готовой вот-вот разразиться бури. Прус заставляет пережить это предчувствие даже аристократку Изабеллу. После посещения завода "ей почудилось, что с вершины счастливого Олимпа она спустилась в мрачную пропасть Вулкана, где циклопы куют молнии, способные сокрушить самый Олимп. Ей вспомнились легенды о взбунтовавшихся великанах, о гибели прекрасного мира, в котором она существовала".

Именно такого рода реалистические описания у Пруса силой своей художественной выразительности приводят читателя к глубоким и острым выводам.

Богатство типических образов, углубленность социальных характеристик, реалистические, впечатляющие картины жизни Варшавы - все это дает право считать роман "Кукла" вершиной художественного мастерства Пруса и одним из лучших достижений польской реалистической литературы конца XIX века.

Последнее десятилетие XIX и первое XX века были временем перехода капитализма в Польше в империалистическую стадию. Этот процесс связан с крайним обострением и обнажением всех общественных противоречий, с усилением борьбы рабочего класса, создавшего боевую революционную партию - Социал-Демократию Королевства Польского и Литвы. В 1901 году начинается новый подъем рабочего и крестьянского движения в России и в Королевстве Польском, приведший к революции 1905 года. С другой стороны, сопротивляющаяся натиску трудовых классов буржуазия прибегает ко все более открытым мерам насилия для удержания своего господства, еще теснее связываясь с правящими классами государств, поработивших Польшу. Буржуазные идеологи отбрасывают маску мнимого демократизма и переходят к проповеди культа "сверхчеловека" и презрения к народу либо пессимистического и мистического декаданса.

Прус не смог в эти годы стать на уровень наиболее передовых социальных идей эпохи, а в известной мере поддался воздействию упадочных течений буржуазной мысли и литературы. Наряду с богатыми общественным содержанием и реалистическими произведениями, такими, как "Фараон", "Перемены", - он пишет произведения слабые и в идейном и в художественном отношении (некоторые рассказы и особенно роман "Дети"). Противоречивость мировоззрения Пруса на заключительном этапе творчества еще более увеличилась.

Однако и в этот период он остается в основном демократом и реалистом. Он подвергает резкой критике реакционную, идеалистическую философию Ницше, воспринятую как высшая мудрость многими польскими декадентами. В статьях 90-х годов, споря с поборниками "чистого искусства", Прус требует, чтобы писатели и художники привлекали внимание всего общества к насущным потребностям трудового народа. "Мы восхищаемся тем художником, - пишет Прус, - который развивает наше восприятие оттенков цвета, тем музыкантом, который делает нас впечатлительными к тонам и мелодиям. Но почему же мы хотя бы терпимо не относимся к таким произведениям, которые возбуждают сочувствие к нищете крестьян и батраков, к труду человеческих рук, восхищение успехами промышленного гения? Почему, например, описания строительства железной дороги или труда земледельца, шахтера, ремесленника не заслуживают того, чтобы их читали?"

Выступая против польских глашатаев модернизма - И.Матушевского и других, утверждавших, что "искусство не имеет никакой цели, оно представляет цель само по себе", Прус ссылается на высказывания Л.Н.Толстого: "По мысли Толстого. - пишет Прус, - который создал больше замечательных произведений, чем все "модернисты", искусство, когда оно служит "возбуждению общественных стремлений", нисколько не унижает себя. Наоборот, только таким образом оно выполняет надлежащую ему роль".

Прус понимал, чьим интересам служит "чистое" искусство. "Когда автор хвалит привилегированные классы и их взгляды, - пишет он, - это называют чистым искусством, а когда он защищает бедняков, это называют тенденцией".

Критически отнесся писатель и к натуралистическим тенденциям, проявившимся в польском искусстве к концу XIX века. "Пороком натурализма, - отмечал Прус, - является копание в мелочах и quasi-объективизм, не соответствующий психологической правде".

Лучшие произведения Пруса последнего периода продолжали линию развития критического реализма в литературе.

В 1892-1893 годах Прус пишет четырехтомный роман "Эмансипированные женщины" (отдельным изданием вышел в 1894 году). И в этом романе ценной стороной является критика буржуазного общества, проявившаяся особенно отчетливо в первых двух томах.

Отдельные части романа художественно неравноценны. Первый том, который в известной степени может рассматриваться как самостоятельное целое, написан на уровне "Куклы". Здесь рассказана история состоятельной в прошлом помещицы, которая, разорившись, переезжает в город и открывает пансион для девушек из богатых семей, чтобы заработать на жизнь себе и своим взрослым детям.

Тонко и с психологической глубиной писатель изображает внутренний мир этой женщины, жизнь которой, оборвавшаяся трагически, была борьбой за существование в условиях конкуренции и власти денег.

Пансион пани Ляттер - это предприятие, существующее по законам капиталистического общества. Действуя по правилу: "кто нуждается, должен уступить" - хозяйка пансиона снижает плату за уроки, если видит, что учитель нуждается в работе. Но по этим же суровым законам общество обращается и с ней. Пани Ляттер разоряется, знакомые отшатываются от нее и после ее отъезда говорят о ней, как об умершей. "Что за ужасный мир, - думает в связи с этим одна из героинь романа, - пока у человека есть деньги, падают перед ним на колени, когда он обеднел, бросают в него камни".

В следующих томах на первый план выдвигается образ молоденькой учительницы пансиона, Мадзи Бжеской. Второй том, рассказывающий о пребывании Мадзи в маленьком провинциальном городке Иксинове, тематически самостоятелен, в той же мере, что и первый. Изображая провинциальную шляхту, Прус высмеивает пустоту и бессмысленность ее жизни, сплетни, кичливость, погоню за деньгами.

История Мадзи - это история непрерывных разочарований, осознания горькой правды жизни, утраты иллюзий, идеальных и несколько наивных представлений об окружающем ее мире. Скромная и отзывчивая молодая девушка, всегда готовая прийти на помощь другим, "гений доброты", как называет ее Прус, воплощение нравственной чистоты, она ищет своего места в жизни, хочет быть полезной людям, но, не найдя применения своим силам и способностям и сочувствия своим стремлениям, вынуждена уйти в монастырь.

Проблема женской эмансипации не занимает такого большого места в романе, как можно было бы предполагать по заглавию. К женскому общественному движению за эмансипацию, довольно активному в последние десятилетия XIX века и проявившему себя в деятельности ряда организаций, Прус относится, в общем, скептически и не опровергает взглядов, которые высказаны в романе, например, учителем Дембицким, заявляющим, что "женщина является и должна быть прежде всего матерью". Но к социальным условиям, поставившим многих женщин перед необходимостью самим зарабатывать на жизнь, к расширению в обществе женского труда писатель относится со всей серьезностью. Женский труд - явление, по мнению Пруса, в принципе нежелательное, но женщины, которые вынуждены работать, изображены в романе с полным уважением (пани Ляттер, Мадзя, женщины-труженицы на заседании "эмансипированных"). Характерно, что сами трудящиеся женщины у Пруса отрицательно относятся к движению "эмансипированных", которое представлено в романе старой девицей-истеричкой пани Говард, мечтающей о замужестве, аристократкой Адой Сольской, соблазненной "модой" на эмансипацию, провинциальной кокеткой Евфемией.

Создавая широкую картину жизни Варшавы и провинции. Прус осуждает нравственные устои общества, в котором образование, красота, любовь, брак - все является предметом купли-продажи. Как и в "Кукле", преуспевают в этом обществе холодные эгоисты (вроде во многом напоминающей Изабеллу из "Куклы" Элены Норской, которая сумела найти богатого мужа) или дельцы типа ростовщика Згерского, ничего не делающего даром, из всего извлекающего выгоду.

Есть среди героев романа и "честный капиталист", миллионер Стефан Сольский, в котором можно найти кое-что от Вокульского. Прус изображает его энергичным и одаренным человеком, но и Сольский не имеет цели в жизни, не одушевлен никакими высокими идеалами. "Я могу все купить, - рассуждает он, - удовольствия, любовниц, знания... Только не могу купить - цели жизни". Увлечшись ненадолго строительством сахарного завода, он вскоре остывает к своей затее, отчасти и потому, что увидел изнанку капиталистического предприятия. "Это не живой организм, - говорит он, - а машина для выжимания прибыли из свеклы, рабочих и хлеборобов... это мельница, в которой перемалываются человеческие жизни".

В целом же социальные характеристики героев этого романа менее четки, чем в "Кукле". Критика шляхты здесь уже не так остра. К тому же Прус - правда, не очень последовательно - пытается скомпрометировать передовые социальные идеи, заставив пропагандировать их в романе эгоиста и проходимца Казимежа Норского. Снижают художественные достоинства романа и рассуждения одного из героев, учителя математики Дембицкого, о существовании загробной жизни и бессмертии души, занимающие значительную часть четвертого тома. Образ Дембицкого, полемизирующего - очень, впрочем, неубедительно - с философией материализма (сведенного к вульгарному материализму), свидетельствует об усилившемся к концу века влиянии на польскую интеллигенцию реакционных идеологических веяний, которого не избежал и Прус.

В художественном отношении роман неровен. Прусу не совсем удалась композиция, произведение распадается на слабо связанные между собой части. Но большой художник чувствуется и в этом романе. Используя внутренний монолог и другие художественные приемы, писатель всесторонне раскрывает психологию героев - таких, как пани Ляттер и Мадзя, которые относятся к числу лучших женских образов в творчестве Пруса. Лучшие страницы романа дают образцы замечательного юмора Пруса.

В 1895 году Прус закончил исторический роман "Фараон". Действие романа происходит в Древнем Египте. Изображая упадок некогда могущественного государства, автор ищет ответа на вопрос о причинах этого упадка - и читателю, имеющему представление об эпохе Пруса, становится очевидным, что проблематика романа вызвана к жизни разложением и кризисом современного писателю польского буржуазно-феодалного общества.

Отсюда никак не следует, что Прус лишь "маскировал" современные идеи обстановкой и именами, взятыми из древности. Напротив, значение "Фараона" в развитии польского исторического романа состоит в том, что в нем - впервые в истории польской литературы - на таком высоком художественном уровне, с использованием доступных автору научных знаний о прошлом, без явной модернизации были представлены в живых образах социальные проблемы отдаленной эпохи, имеющие большое значение для лучшего понимания вопросов современности, делалась попытка постичь закономерности исторического прогресса.

В центре произведения - борьба за власть между молодым фараоном Рамсесом XIII и могущественной кастой жрецов. В этой борьбе отражается столкновение целых классов, различных общественных группировок, причем подоплекой ее являются имущественные интересы. "У жрецов самые богатые поместья, - пишет Прус. - Для того чтобы содержать жрецов и храмы, тяжело трудится около двух миллионов египтян". Обманывая простой народ, раскинув по всей стране систему шпионажа используя знания, недоступные народу, жрецы держат в своих руках государство. Критика священнической касты, содержащаяся в романе, звучала очень актуально в Польше, где влияние католицизма было весьма сильным.

Это относится и к трактовке социальных вопросов. Описание бедствий тружеников Древнего Египта, несомненно, перекликалось с хорошо известными Прусу нищетой и тяжким трудом польских крестьян и рабочих.

Кризис древнеегипетского государства писатель объясняет невыносимой для народа эксплуатацией. Угнетение и голод стали причиной массовых волнений: "В Египте бунты! Бунтуют крестьяне, рабочие, даже каторжники... Бунты от самого моря до рудников". В подобных местах романа слышится отзвук размышлений Пруса о революционной ситуации, назревающей в России и в Польше.

Прус описывает, как из разрозненных бунтов разгорелось народное восстание против касты жрецов. Жрецам удалось подавить восстание, запугав народ солнечным затмением, которое они выдали за кару богов. Исход этот представлен в романе как закономерный. Силы слишком неравны: с одной стороны стихийное движение без программы и руководства, с другой - организованная, сплоченная жреческая каста. Действия восставших пытается направлять молодой фараон Рамсес XIII, обещавший народу некоторое улучшение его тяжелой доли. Однако у фараона, в сущности, иная цель: использовать недовольство народа, чтобы отнять власть у жрецов.

Прус изображает Рамсеса XIII без схематизма и идеализации. Это смелый, благородный юноша, относящийся к народу с участием и объявивший смертельную войну жреческой касте. Но, несмотря на свои симпатии, фараон убеждается, что у него гораздо больше общего с аристократией, чем с простым народом. Даже в случае победы Рамсеса народ не был бы освобожден от гнета аристократии. Но Рамсес терпит неудачу и гибнет. Власть переходит в руки верховного жреца Херихора, противившегося до сих пор всем начинаниям молодого фараона. Однако Херихор, переживший восстание, едва не ниспровергнувшее жреческую касту, понимает, что необходимо осуществить некоторые мероприятия, предложенные Рамсесом: он дает народу отдых каждый седьмой день, смягчает наказания и т.д. Прус - при всей ограниченности своих социальных воззрений - как бы подчеркивает концовкой романа, что борьба против социального гнета никогда не является напрасной и бессмысленной, что исторический прогресс возьмет свое, что народные массы - это серьезная сила, влияющая на судьбы государства, что именно их борьба вырывает у правителей уступки и реформы.

В эпилоге устами старого ученого Мины Прус проводит мысль о том, что судьба и благополучие государства тесно связаны с благополучием и счастьем народа. "Эти люди, - говорит Мина о тружениках, - и есть государство, а жизнь их - жизнь государства. Всегда и везде одни люди радуются, другие предаются печали. Нет такого мгновения, когда бы не лились слезы, не звучал смех... Этим и определяется ход истории. И когда среди людей преобладает радость, мы говорим, что государство процветает, а когда чаще льются слезы, мы называем это упадком..." Как убежденный демократ, Прус понимал, что народ в конечном счете должен сам решить свою судьбу. Выражая эту мысль, Прус вышел из узкого круга позитивистских идей. Однако

реформистско-просветительские иллюзии сказываются и в "Фараоне": события в конце романа выглядят как подтверждение выводов ученого Мины, верящего в мирный прогресс посредством постепенного улучшения существующего строя.

Непонимание Прусом необходимости революционной борьбы. Сказалось также в рассказах "Сон", "Война и труд" и т.д., а прежде всего в романе "Дети" (1908), написанном в период реакции, наступившей после разгрома революции 1905 года в Польше. Прус не вскрывает в этом произведении подлинных причин революционной борьбы рабочего класса, не проникает в глубь событий, не изображает тех сил революционного движения, которые были действительно передовыми и ведущими, а концентрирует свое внимание на группе школьной молодежи, не понявшей смысла революции, но соблазненной ее героикой. Писатель сочувствует этой молодежи, но изображает ее участие в событиях как бесплодную, "детскую" затею.

Однако роман "Дети" не был последним произведением Пруса. Незаконченный роман "Перемены", который писатель начал печатать в 1911 году, опровергает созданную буржуазной критикой легенду, будто Прус кончил свою жизнь примирением с капиталистической действительностью и осуждением революции 1905 года. Главным действующим лицом романа является русский студент Дмитрий Пермский, нарисованный с большой теплотой и симпатией. Убежденный социалист, Пермский говорит о своих единомышленниках, что это "самые честные, умные и сильные люди на земле".

Положительными героями неоконченного романа являются также кучера Антек и Валек и пастух Штепанек. Среди таких, как они, ведет Пермский свою пропаганду. "Антек и Валек, - говорит он, - наша основная сила, но имя Антек значит: европейский пролетариат, а Валек - русская революция". Роман свидетельствует о том, что к концу жизни Прус проявил интерес к наиболее передовым взглядам своего времени, к лозунгам революционных социал-демократов. "Пролетариат Королевства Польского и Литвы является частью пролетариата русского государства. - говорит Пермский. - Десятилетиями польский и русский рабочий вместе страдали под общим ярмом деспотизма. Царское правительство душило не только польский народ, но и русский... Польские эксплуататоры, как и русские, находили под его крылом покровительство и охрану своих интересов, а русскому рабочему нагайка надоела так же сильно, как и польскому".

"Перемены" мало кем читались, - пишет о романе Мария Домбровская, - это произведение считали слабой позицией в наследстве Пруса. Что касается меня, то я прочитала этот роман с большим интересом. Мне кажется, что в художественном отношении он обладает всеми свойственными Прусу достоинствами. В нем, насколько можно судить по незаконченному тексту, автор "Куклы", по-видимому, указывает на социализм, и причем социализм революционный, как на действенную силу, которой предстоит определить будущие отношения между людьми и историю Польши".

"Перемены" были последним произведением писателя, его завещанием будущей эпохе.

19 мая 1912 года Прус умер в Варшаве.

Елена Цыбенко

Елена Захаровна Цыбенко (2 января 1923, Детское Село — 17 сентября 2011) — советский и российский литературовед-славист, доктор филологических наук, профессор.

Биография

Родилась в семье военнослужащего. В 1945 году окончила русское отделение [филологического факультета МГУ](#). В 1945—1948 обучалась в аспирантуре на кафедре славянской филологии. Специализировалась по [польской литературе](#), кандидатская диссертация была посвящена творчеству [Болеслава Пруса](#). С 1948 года преподавала на филологическом факультете МГУ (с 1972 профессор). В 1969 году защитила докторскую диссертацию «Польский социальный роман 40—70-х годов XIX века». Под её руководством подготовлены более 20 кандидатских диссертаций.

Основные работы

- Польский социальный роман 40—70-х годов XIX века. М., 1971. 358 с.
- Особенности польской и русской романтической прозы 30-х—40-х гг. XIX века. М., 1973. 50 с.
- Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. М., 1978. 280 с.
- Особенности развития романа-эпопеи в славянских литературах последних лет в контексте европейского романа. М., 1978. 22 с.
- [Тургенев](#) и польская литература (до 1917 г.). М., 1983. 62 с.

Литература

- Памяти Елены Захаровны Цыбенко // [Славяноведение](#). 2012. № 1. С. 124—126.